

ЭЛИНА РОВЕЛЬ

94 ДНЯ

ОСТРОВ
ИЗМЕНИЛ
ВСЁ.

РОМАН

Элина Ровель

94 дня

<https://litres.ru/74693557>

SelfPub; 2026

Аннотация

После авиакатастрофы девятнадцатилетний Матвей приходит в сознание в тонущем самолёте. Раненый, окружённый обломками и ледяной водой, он с невероятным трудом выбирается наружу и оказывается на необитаемом острове. Здесь нет помощи, связи и привычных правил. Остров не прощает ошибок. Каждый новый день может стать последним, а надежда порой оказывается опаснее отчаяния.

Оставшись один на один с дикой природой, болью и собственными страхами, Матвей вынужден бороться не только за жизнь, но и с самим собой.

Однако однажды он обнаруживает следы другого человека.

Случайная находка меняет всё. Теперь впереди не только испытания, которые приготовил остров, но и чувства, к которым невозможно подготовиться.

Что сильнее — страх смерти или страх признаться в том, что может изменить всю твою жизнь?

История о выживании, доверии и любви, которая рождается там, где для неё, казалось бы, нет места.

Содержание

Часть I. Один	4
Глава 1. Последний короткий перелёт	4
Глава 2. Чужая рука	14
Глава 3. Берег	23
Глава 4. То, что осталось	33
Глава 5. Без ответа	45
Глава 6. Рядом с морем	53
Глава 7. Дорога наверх	61
Глава 8. За мысом	69
Часть II. Следы	77
Глава 9. Узел	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Элина Ровель

94 дня

Часть I. Один

Глава 1. Последний короткий перелёт

Отец снова написал «Встречу», и я снова ему не поверил.

Не настолько, чтобы отказаться от поездки. Билеты уже были оплачены, большая часть дороги осталась позади. Я сидел в аэропорту Хониары, придерживал коленями рюкзак и смотрел на сообщение:

«В Сегхе встречу. Дальше на лодке».

Под ним, в поле ввода, стояло моё: «Ты точно сможешь встретить?» Я набрал это ещё дома, до первого перелёта. Теперь отправлять было глупо. Утром отец сам позвонил, сказал, что будет ждать возле выхода, и пообещал надеть самую страшную кепку, чтобы я сразу узнал.

Я узнал бы и без кепки. Перед отъездом несколько раз увеличивал его лицо на фотографии. У висков появилась седина. Раньше её не было — девять лет назад, когда он собирал сумку у нас на кухне и говорил, что ненадолго.

Я закрыл переписку, не стирая вопрос.

Потолочный вентилятор гнал тёплый воздух. Я оттянул ворот футболки. За стеклом стояли небольшие самолёты. До этого были огромные залы, переходы, поезд между терминалами. Здесь до крыла можно было дойти быстрее, чем дома до остановки.

Руслан прислал фотографию разобранного мотора.

«Мы тут без тебя закончим. Ты хоть обратно приезжай полезный».

Я увеличил снимок.

«Шайбу потеряли?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Ты откуда знаешь?»

Я улыбнулся и убрал телефон. Сергей отпустил меня из мастерской на восемь недель, предупредив, что за два месяца даже у родного отца хорошим механиком не становятся. Я сказал, что понимаю. Про отца мы не разговаривали.

Отец чинил лодочные моторы возле лагуны Марово. В его сообщениях всё выглядело просто: поживёшь, посмотришь, поможешь. Когда я спросил про деньги, ответил: разберёмся. Я почему-то уже слышал в этом определённую сумму и теперь пытался вспомнить, из чего её составил.

На другом конце ряда молодой парень в наушниках торопливо говорил в телефон. Несколько раз повторил «мама», потом заметил, что на него смотрит женщина с короткими волосами, и отвернулся к окну. Женщина что-то сказала. Он выдернул наушник, ответил, и она рассмеялась.

Рядом с ней мужчина лет пятидесяти возился с пластмассовой застёжкой сумки. Одно ухо у застёжки было отломано. Он попробовал соединить половинки, посмотрел на результат и спокойно перевязал ручки шнуром.

Я подумал, что у отца, наверное, такие же руки. Тёмные, широкие, с коротко срезанными ногтями. Не как на старой фотографии, где он держал меня под мышками над водой.

Мой телефон завибрировал.

Мама прислала кота с соседского балкона. Серый, с белой лапой, он сидел у нас на подоконнике, возле моей кружки.

«Этот опять у нас. Ты поел?»

Я ответил, что успел поесть в трёх аэропортах.

«Как долетишь, дай знать. Не жди, пока устроишься».

Я набрал «Хорошо» и несколько секунд держал телефон перед собой. Дома мы поссорились. Мама спрашивала, зачем мне ехать через полмира к человеку, который девять лет не мог добраться до моего дня рождения. Я говорил про опыт и работу. Я не сказал ей, как долго ждал приглашения.

Перед выходом она повесила мне на шею плоский чехол для документов.

— В лодке будет мокро, — сказала. — Паспорт положи внутрь.

Я хотел возразить, что сумею не утопить паспорт. Вместо этого позволил ей проверить застёжку и спрятал чехол под футболку. Теперь он лип к животу. Я поправил шнурок под воротом и решил, что напишу ей сразу после посадки. Даже

раньше, чем обниму отца.

У весов позвали следующего пассажира.

Я встал, взял рюкзак и почувствовал, как меня придержали за запястье.

Мужчина в клетчатой рубашке показал на красную петлю возле ручки.

— This one is mine.

Мой такой же чёрный рюкзак оставался под соседним стулом.

— Sorry.

Я поставил чужой обратно. Мужчина улыбнулся. В уголке его рта была маленькая белая крошка.

— Первый раз?

Он говорил по-английски медленно. Я ответил, что уже летал. Мужчина показал на карту островов на стене, и я понял вопрос слишком поздно.

— Здесь первый, — сказал я.

— Джоэл.

Он протянул руку. Мы пожали друг другу ладони, стараясь не уронить сумки.

— Матвей.

Он повторил имя почти правильно. Я кивнул: достаточно правильно, чтобы не устраивать урок посреди аэропорта.

Женщина за его спиной пыталась поднять на весы большую синюю сумку. Джоэл подхватил её за вторую ручку. Женщина поблагодарила и поправила привязанный ярлык.

Из незастёгнутого кармана выглядывал свёрток красной ткани с мелкими белыми цветами.

— Рут, ты решила перевезти весь дом? — спросил мужчина с перевязанными ручками.

Я понял не все слова, но Рут ответила так, что засмеялись все трое. Джоэл ещё придерживал сумку, пока сотрудница переписывала вес.

Своя оказалась тяжелее, чем я помнил. Сотрудница прикрепила багажную бирку и показала, куда поставить. Я вытащил бутылку, телефон и куртку: после долгих перелётов всё никак не мог решить, где они понадобятся в следующий раз. Рюкзак унесли к остальным вещам.

Возле выхода женщина прижимала пальцем загнутый угол распечатки.

Я узнал жест раньше лица.

Надежда Сергеевна всегда так делала, когда раздавала задания. Не стучала ладонью о стол, как другие преподаватели, а разглаживала верхний угол ладонью. На секунду мне показалось, что я забыл сдать какую-то работу. Потом я вспомнил, что колледж окончен, и только тогда рассмотрел её как следует.

Волосы убраны. Светлая рубашка, дорожная сумка возле ног. За спиной — окно, мокрый бетон и невысокая пальма. Совсем неподходящий фон для человека, которого я привык видеть у белой доски.

— Надежда Сергеевна?

Она подняла глаза.

— Матвей?

Мы оба улыбнулись с одинаковым недоумением. Она убрала распечатку в папку, собираясь что-то спросить, но сотрудник в жилете уже открывал дверь.

— Здравствуйте, — сказал я, хотя уже поздоровался.

— Здравствуй.

Я отступил, пропуская её вперёд. Спросить, зачем она здесь, можно было потом. Или не спрашивать. Объяснять бывшей преподавательнице, что до сих пор не очень понял, чем буду заниматься, было неловко даже на другом краю земли.

За дверью пахло мокрым асфальтом и топливом.

Самолёт оказался меньше, чем выглядел через стекло: высокое крыло, два винта, колёса, несколько ступеней возле открытой двери. На борту было написано Twin Otter. По дорожке к нему шли восемь пассажиров. Я посчитал не специально — просто впереди осталось семь человек, и было видно каждого.

Парень с наушниками пропустил Рут с сумкой. Коротко стриженная женщина придержала ей рукав, зацепившийся за поручень. Мужчина с перевязанными ручками остановился на нижней ступеньке, чтобы не наступить следующему на ногу. Последним, передо мной, шёл Джоэл.

У входа второй пилот сверял имена и показывал места. Джоэла он отправил назад, меня — ещё на ряд дальше, по

другую сторону прохода. Надежда Сергеевна уже сидела впереди, рядом с Рут. Между нами оставались спинки кресел и несколько чужих голов.

Я пригнулся под потолком. В больших самолётах можно было пройти, не помня всё время, где твоя голова. Здесь пришлось развернуться боком, чтобы сесть и не задеть плечом человека через проход.

Джоэл убрал свой рюкзак туда, куда показал пилот. Красная петля мелькнула возле пола.

— Правильная сумка? — спросил он, показав на меня.

Я поднял бутылку.

— Только это.

Он улыбнулся и пристегнулся.

Впереди кто-то попросил подождать с дверью. Мужчина с перевязанной сумкой вынул очки, протёр их о рубашку и лишь потом поднял ладонь: всё. Коротко стриженная женщина что-то черкнула на сложенном билете парня с наушниками. Тот покачал головой, но билет забрал.

Это был последний разговор, который я слышал нормально. Потом дверь закрыли, и голоса утонули в гуле.

Второй пилот показал замок поясного ремня. Пряжку следовало поднять. Я повторил движение, застегнул ремень снова. Затем он указал на выходы, на спасательный жилет и сделал жест, который я понял без перевода: внутри не надувать.

Я посмотрел на море за стеклом и затянул ремень чуть сильнее.

Маме отправил: «Сейчас вылетаем». Сообщение успело уйти. Телефон спрятал в карман куртки, которую положил себе под локоть. Бутылку убрал туда, где она не могла кататься по полу.

На разбеге дрожало всё, даже стекло возле моего виска. Я упёрся ногами и ждал сильного рывка, но самолёт поднялся почти незаметно. Просто бетон начал опускаться, и за ним появилась вода.

Хониара отодвинулась. Под крылом прошла белая линия прибоя. Впереди Рут повернула голову к Надежде Сергеевне, та послушала и коротко ответила. По тому, как обе улыбнулись, я понял, что разговор обычный.

У меня тоже всё было обычным. Последний короткий перелёт. Потом отец, лодка, место, где поставили для меня кровать.

Я расстегнул карман куртки, достал телефон, открыл карту с маршрутом. Она загрузилась ещё в аэропорту. Хониара осталась справа, Сегхе находился левее, среди маленьких зелёных пятен. Между ними на экране было совсем немного места.

Я убрал аппарат и прислонился виском к стенке.

Примерно через полчаса самолёт качнуло, потом ещё раз. Я оторвал голову от окна. Джоэл придерживал пустую спинку впереди себя и смотрел наружу.

Пока было видно море, мне не казалось страшно. Вода блестела между облаками, и каждый раз, когда самолёт вы-

ходил из тени, хотелось решить, что плохой участок уже позади.

Потом просветы стали реже. От стенки потянуло холодом. Я надел куртку, с трудом попадая локтем в рукав между тесными креслами.

Из кабины что-то объявили. Я различил слова про погоду и ремни. Впереди мужчина поднял руку, словно хотел переспросить, но опустил. Самолёт повернул. В окне теперь было серое, а на стекле побежали струи.

Они текли почти поперёк.

Я посмотрел на Джоэла. Он больше не улыбался. Сидел прямо, обе руки на коленях. Только большой палец двигался вдоль шва брюк.

Самолёт провалился.

Совсем ненадолго, но желудок успел подняться к горлу. Впереди вскрикнула женщина. Кто-то тихо сказал что-то повторяющееся, и я сперва принял это за ругань. Потом понял, что человек молится.

Я попытался увидеть Надежду Сергеевну. Между спинками был только край светлого рукава. Мне захотелось, чтобы она обернулась. Я помнил её лицо спокойным и сейчас нуждался хотя бы в одном таком лице.

Она не обернулась.

Гул изменился. Стал выше, резче. Мы снова наклонились, и с левой стороны через дождь проступило тёмное.

Я не сразу понял, что это земля.

Деревья стояли слишком близко. Я видел отдельную светлую ветвь среди зелени, видел, как листья выворачиваются под ветром. Так их можно было рассматривать из окна машины. Не из самолёта.

Из кабины закричали.

Джоэл согнулся, обхватив голову. Я сделал то же самое. Ремень упёрся в живот, ладонь соскользнула с затылка на шею. Я успел подумать, что надо сильнее наклониться.

Первый удар пришёл с длинным треском. Нас швырнуло вперёд. Что-то лопнуло возле окна, и мне в волосы ударили мелкие острые кусочки.

Следующий толчок повернул весь салон.

Я вцепился в край кресла. Пол под ногами пошёл в сторону отдельно от меня. Слева, ниже бедра, вспыхнула такая боль, что я разогнулся и закричал, хотя из кабины всё ещё велели пригнуться.

Вместо прохода впереди появилось белое рваное пятно.

Потом исчез и голос из кабины.

Меня ударило затылком о что-то мягкое, сразу же — плечом о твёрдое. Я перестал понимать, где окно. По лицу хлестнуло холодным.

Последним, что я увидел, была бутылка, летевшая мимо моей головы вверх.

Глава 2. Чужая рука

Я проснулся от того, что кто-то тянул меня за ногу.

Попробовал убрать её. Боль ударила от колена до живота, и я сразу перестал двигаться.

Никто меня не держал.

Под ногами была вода.

Она доходила до края сиденья, плескалась о левое бедро и с каждым движением забиралась под одежду всё выше. Над водой торчала спинка кресла. Сначала я решил, что своего, и не мог понять, на чём тогда сижу.

В ушах стоял тонкий непрерывный звон. Сквозь него доносился скрип. Где-то кричали, но я не понимал слов и даже не мог определить, рядом человек или снаружи.

Я поднял голову.

Окно находилось почти у моего плеча. За ним было серое с белыми пятнами. Оно двигалось отдельно от нас, поднималось, опускалось. Пахло топливом, мокрой обивкой и чем-то горелым.

Салон лежал под углом.

Нужно было выпрямиться, найти проход, встать. Я упёрся правой ногой в пол. Левая не пошла следом.

— Чёрт...

Я посмотрел вниз.

Штанина разошлась с наружной стороны бедра. Из мок-

рой тёмной ткани выступал серый металлический край, узкий, неровный. Вокруг него всё было красным. Другой конец исчезал под синей обивкой перекошенного соседнего сиденья.

Я приподнял колено, и металл двинулся вместе с кожей. Я зажмурился, открыл глаза. Начал дышать так быстро, что перестал видеть по краям.

Вода плеснула мне на живот.

Я схватился за пряжку ремня.

Большой палец нажимал на плоскую крышку, второй помогал, оба скользили. Я пытался вдавить её, пока из глубины звона не возникло чужое движение: пилот поднимал эту крышку вверх. Вверх, не внутрь.

Я поддел край ногтем.

Пряжка не поддавалась. Ремень натянулся под моим весом. Я висел на нём боком, а сиденье подо мной было не там, где должно находиться.

Пришлось упереться правой ногой сильнее. Подошва нашла погнутую перекладину. Я толкнулся, приподнял живот, и замок отпустил сразу.

Меня бросило влево.

Металл в ноге дёрнулся. Я вскрикнул, вцепился в соседнюю спинку и повис на ней, не зная, как вернуть бедро назад. Вода дошла до груди. Под курткой натянулся шнурок с документами.

За синей тканью я увидел второй конец обломка — корот-

кий, сплюснутый, уже оторванный от каркаса. Его удерживала обивка, сложившаяся вокруг неровного излома.

Я потянул ткань. Она не поддавалась.

Я потянул ещё раз. Заболело плечо. Я сунул пальцы в разрыв и потянул в стороны, всё время стараясь не тянуть ногой.

Нитки треснули.

Сиденье качнулось, кусок ткани остался у меня в руке. Бедро больше не держало на месте, только в нём всё ещё торчал металл.

Я не стал его трогать.

Впереди было светлее.

Я видел рваный край пола, обрывок провода, белую изнутри обшивку. Дальше начиналась вода. Там, где только что сидели люди, самолёт кончился.

Надежда Сергеевна была там.

Я позвал, но из горла вышло что-то совсем короткое. При следующем крене вода ударила в рот, и я согнулся, кашляя. Светлое пятно впереди качнулось вниз.

Я оттолкнулся правой ногой и ухватился за ближайшее кресло. Левая повисла, согнутая, и каждое движение воды отдавалось в бедре. Я не мог поставить её на пол. Пришлось тянуть себя руками, держась за верхние края спинок.

Под ладонью хрустнул пластик. Кресло сложилось к соседнему, я потерял опору и на секунду ушёл лицом в воду.

Она была солёной.

Я вынырнул, ударившись затылком о стенку. Теперь голо-

ва кружилась сильнее. Вода вытекала из носа, мне хотелось сначала откашляться как следует, а уже потом двигаться. Самолёт не оставлял этого времени. Из разорванного пола шёл глухой шум, словно снизу открыли большой кран.

Я поднял руку к свету и нащупал загнутую обшивку.

Край резал ладонь. Я перехватился, нашёл гладкую часть и подтянул плечо. Снаружи за белым металлом двигалась волна. Ещё чуть-чуть — и можно было просунуть голову.

Чужие пальцы сомкнулись у меня на запястье.

Я закричал раньше, чем обернулся.

Рука тянулась из тёмного промежутка между двумя смятыми спинками. Под одной из них было лицо. Кровь у брови, открытый рот, мокрые волосы, прилипшие к глазам.

Джоэл.

— Помоги! Не бросай меня!

Я понял слова. Он говорил по-английски, громко, почти мне в лицо, и на этот раз не нужно было собирать смысл из отдельных знакомых частей.

Его голова находилась ниже моей. Вода касалась подбородка. Одна нога уходила под кресло, вторую закрывал вдавленный кусок пола. Свободной рукой он держал меня так, словно я уже был твёрдым берегом.

— Отпустите, — сказал я. — Я попробую. Только руку...

Он потянул сильнее.

Раненая нога ударилась о перекладину. Перед глазами побелело; я закричал, пытаюсь отвести бедро от металла.

— Отпустите!

— Нет! Ты уйдёшь!

Я показал свободной рукой на спинку, прижавшую его.

— Help. Я помогу. Я...

Нормальные слова исчезли. Я одновременно говорил, тянул чужую руку и пытался удержаться за край, чтобы не упасть на него всем весом.

Джоэл не отпускал.

Я отпустил обшивку сам, опустил ниже и схватился за перекошенное кресло. Потянул вверх. Ничего. Попробовал в сторону, туда, где оставалось место. Из воды вылез край синей подушки, за ним — согнутый металл, соединённый с полом.

Он не двигался.

Я переставил руку и потянул ещё раз. Джоэл закричал, запрокинув голову. С кресла сорвался кусок пластика и ударил меня в губу.

— Прости. Подожди...

Я говорил по-русски. Снова по-русски, хотя он не мог понять. Попробовал упереться здоровой ногой и поднять спинку, но нога скользнула по чему-то мягкому. Я свалился боком. Джоэл удержал меня за запястье, не позволив отодвинуться.

Самолёт накренился сильнее.

Вода прошла мне по плечам и закрыла лицо.

Я дёрнулся вверх. Голова ударилась о спинку. Нашупал

её лбом, оттолкнулся и вынырнул в тесный промежуток, где ещё оставался воздух.

Джоэл тоже поднял лицо.

Он смотрел прямо на меня. Не на выход, не на воду. На меня.

— Не оставляй меня!

Я хотел сказать, что не оставляю.

Так и открыл рот.

Снаружи ударила волна. Разрыв впереди исчез, салон повернулся, и воздух ушёл из моего рта вместе с тем, что я собирался сказать.

Под водой стало темнее.

Я не видел ног Джоэла. Не видел собственной раны. Только его лицо, слишком близкое, и пальцы на своей руке. Он тянул вниз, к себе, а я пытался поднять голову туда, где только что дышал.

Воздуха там больше не было.

Я упёрся в кресло, оттолкнулся, почувствовал, как запястье почти выворачивается в чужой ладони. Джоэл держал обе наши жизни одной рукой и не мог разжать её.

Я больше не пытался поднять кресло.

Свободной рукой вцепился в его пальцы. Они скользили, снова сжимались. Я тянул их от себя, бился плечом о спинку и всё время чувствовал, как сильно он хочет жить.

Один палец отогнулся. Потом другой.

Я вырвался.

Сразу же ударился спиной о стенку. Вода несла меня не туда, куда я смотрел. Я развернулся, потерял светлое пятно и в панике начал грести обеими руками.

Ладонь встретила обивку.

Не выход.

Я провёл по ней, зацепился за шов, почувствовал гладкую твёрдую кромку. Перед глазами плавали тёмные точки. Очень хотелось вдохнуть. Тело уже готовилось сделать это без меня.

Я толкнулся правой ногой, ударился коленом, повернул голову.

Свет был сбоку и ниже.

Я потянулся к нему. Пальцы попали в рваный разрыв, острый край прошёл по ладони. За ним была вода, но другая: в ней менялся свет. Я просунул руку, голову, плечо.

Куртку удержало сзади.

Я не мог повернуться и посмотреть. Дёрнулся вперёд — ткань натянулась поперёк груди. Металл в ноге снова задел что-то внутри. Я согнулся, пытаюсь стать меньше, и почувствовал, как изо рта сами вышли пузырьки.

Я потянулся назад одной рукой, нашёл край куртки, тянувшийся к креслу. Не смог высвободить. Рванул всем телом, уже не разбирая, что именно порвётся.

Ткань отпустила.

Я вывалился в открытую воду.

Ничего не держало меня за руки. От этого сначала стало

ещё страшнее. Я не знал, где верх. Свет разливался со всех сторон, и крупная белая часть самолёта уходила мимо, медленно поворачиваясь.

Из неё вырывался воздух.

Я увидел пузырьки, пошёл вслед за ними, насколько хватало сил. Правая нога ударила несколько раз. Левой я не мог нормально шевелить. Поднял руку, как будто мог нащупать поверхность пальцами.

Она появилась раньше, чем я успел решить, что больше не могу.

Первый вдох оборвался кашлем. Вода накрыла лицо снова. Я замахал руками, поймал воздух, потерял его в следующей волне и наконец увидел берег.

Тёмная скала, зелень выше, белая полоса у основания.

У основания скалы разбивались волны. Я не видел места, где можно выйти.

Позади что-то тяжело всхлипнуло.

Я обернулся. Над водой ещё торчал белый округлый край с частью окна. Он поднялся, будто самолёт пытался встать, затем ушёл вниз. На поверхности осталась мутная пена.

Я смотрел на неё.

Ждал головы.

Руки.

Хоть чего-нибудь, за что можно было снова схватиться и на этот раз потянуть правильно.

Волна раздвинула пену. Между её клочьями плавал кусок

синей обивки.

— Джоэл!

Крик закончился хрипом. Я ушёл ртом в воду, вынырнул и позвал ещё раз, уже не различая собственный голос.

Никто не появился.

Что-то толкнуло меня в плечо. Подушка, толстая, мокрая, с оторванным краем чехла. Я вцепился в неё, попробовал навалиться грудью. Она почти ушла под воду вместе со мной.

Пришлось откинуться, оставить её перед собой, держаться руками. О жилете, на который пилот показывал перед взлётом, я вспомнил только здесь. Лицо поднялось немного выше. Этого хватило, чтобы дышать между волнами.

Я всё ещё смотрел туда, где был самолёт.

Сквозь звон в ушах больше не доносилось ни одного голоса.

Глава 3. Берег

Я попробовал плыть к скале.

Подушка выскользнула из-под груди, пришлось догонять её руками. От нескольких движений правой ногой заболела левая, хотя я старался держать её неподвижно. Я перестал грести и закачался на воде, хватая воздух ртом.

У скалы всё время взрывалась пена. Волна отходила, показывая чёрный камень, следующая тут же накрывала его. Там не было места, куда можно было поставить ногу. Только гладкая стенка, мокрая до высоты, которую я не хотел прикидывать.

Я повернул голову в другую сторону.

Берег изгибался. За выступом белела узкая полоса. Может быть, пена. Может быть, песок. Я попытался направить себя туда, отталкивая воду одной рукой, пока другая лежала поверх подушки.

Ничего не получилось.

Зато большой тёмный выступ медленно уходил вбок.

Сначала я обрадовался. Потом понял, что двигаюсь и без своих попыток. Меня несло вдоль берега. Насколько близко к нему — было непонятно: волны то поднимали, то прятали скалу, и расстояние каждый раз казалось другим.

Я поправил подбородок на мокрой ткани. Она пахла топливом. От запаха подступала тошнота, но отодвинуть подуш-

ку я не мог.

Позади подпрыгивали на волнах белые обломки. Я смотрел на них, ожидая увидеть человеческую руку.

Джоэл не появился.

Я сказал себе, что мог не заметить. Волн много. Он мог всплыть с другой стороны, взять что-нибудь плавучее, сейчас тоже добираться к берегу.

Только его ноги оставались под креслом.

Я перестал оглядываться.

Куртка тянула плечи. Я хотел снять её, потом попробовал отпустить подушку одной рукой и сразу пошёл ниже. Оставил как есть. Внутри мокрых рукавов ладони казались чужими. На правом запястье пульсировала боль, отдельная от всех остальных.

Я посмотрел на него.

Полукруглые красные полосы. В одном месте кожа была содрана.

Я сунул запястье обратно в воду и больше не смотрел.

Берег продолжал меняться. Деревья, которые я видел над местом падения, исчезли за выступом. Впереди открылся другой склон, ниже. Светлая полоска под ним стала шире. Теперь я различал отдельные тёмные предметы на ней.

Песок.

— Туда, — сказал я.

Я начал двигать здоровой ногой. Не сильно. От каждого толчка раненое бедро тянуло, но теперь впереди было ме-

сто, к которому можно стремиться. Я перестал пытаться подняться поверх подушки, держал её перед собой и работал другой рукой.

Один раз волна перевернула меня на бок.

Я выпустил подушку, увидел её возле локтя и ухватился за разорванный чехол. Материал натянулся, под ним показался жёлтый пористый край. Я прижал подушку к груди.

Впереди снова возник Джоэл — не лицо, а рука. Точно такая же хватка за последнюю вещь, которая ещё держится.

Я закашлялся и ударил по воде ладонью.

— Не надо.

На следующей волне я почувствовал дно.

Правая подошва скребнула по чему-то твёрдому. Я распрямился, попытался встать. Дна уже не было. Вода ударила в рот, и я снова повис на подушке, злясь на себя так сильно, что почти заплакал.

Потом дно появилось ещё раз.

Я не стал выпрямляться. Волна пронесла меня вперёд, положила животом на камни и потянулась обратно. Я уцепился за шероховатый выступ, но под пальцами всё скользило. Вместе с водой меня начало разворачивать к морю.

Левая нога задела дно.

Боль была такой, что я отпустил подушку.

Она ушла в сторону. Я увидел её один раз, прежде чем в лицо пришла следующая волна. Пришлось подставить локоть и прижаться к камню, не давая воде перевернуть меня

полностью. Колено здоровой ноги упёрлось в твёрдое. Я подтянул его и сдвинулся вперёд.

Чуть-чуть.

Снова вода.

Я ждал, вцепившись в камень, пока она пройдёт поверх плеч. Когда стало легче, потянулся к следующему выступу. Не смотрел на ногу. Не пытался понять, что царапает живот. Только выбирал место для ладони, потом для колена.

Камни кончились неожиданно.

Под пальцами оказался песок. Он просыпался, не давал ухватиться, и я разозлился уже на него. Упёрся локтями, протащил тело, почувствовал, как волна ещё достаёт до кроссовок, и двинулся дальше.

Выбравшись из воды, я лёг щекой на песок и закрыл глаза. Почти сразу открыл: испугался, что снова окажусь в самолёте.

Перед лицом лежал маленький белый обломок раковины. За ним ползло что-то прозрачное на тонких ногах. Я смотрел, как оно обходит мой палец, и пытался дышать, не двигая грудью слишком сильно.

Горло жгло. Во рту была соль. В левом бедре пульсировало так, будто оно стало отдельной большой частью тела.

Под щекой была земля. Я несколько раз прижал к ней ладонь.

* * *

Когда я снова поднял голову, солнце оказалось в другом

месте.

Не знал, спал я или просто лежал с закрытыми глазами. Раковина оставалась передо мной. Прозрачного существа не было.

С моря дуло. Мокрая куртка облепила спину, и меня трясло так, что зубы стучали друг о друга. Я попытался перевернуться на правый бок. Получилось со второй попытки.

По наружной стороне левого бедра разошлась штанина. Из разрыва торчал короткий изогнутый кусок металла. Один край, широкий и неровный, лежал почти поперёк ноги; другой выходил из-под надорванной кожи немного ниже. Между ними запутались нитки и синий лоскут кресла.

Я отвернулся к морю, потом заставил себя снова осмотреть рану.

Это не было похоже на ровную дырку из фильма. Всё слиплось, распухло, и я не мог понять, где кончается рана. Когда попробовал сдвинуть ногу, серый край качнулся вместе с кожей.

Кровь стекала по боку бедра к песку.

Кровь не била струёй, но я не знал, много ли её потерял в воде.

— Не трогай, — сказал я себе.

Рука уже двигалась к металлу. Остановил её в нескольких сантиметрах.

Я помнил, что вытаскивать нельзя. Кажется, нам говорили на занятиях, а я слушал вполуха. Сейчас этого хватило,

чтобы отдёргнуть руку.

Кровь всё равно нужно было остановить.

Я расстегнул куртку. Под ней футболка тоже намокла, но ткань хотя бы не волочилась по камням. Подтянул нижний край, сложил в ладони и осторожно прижал возле раны, не налегая на металл. От прикосновения затошнило.

Пришлось лечь и смотреть на небо.

Руку не убирал.

Облака двигались быстро. В промежутках появлялась голубизна. Где-то в стороне скрипела ветка, и каждый скрип заставлял меня поворачивать голову, потому что так же звучал самолёт перед тем, как снова накрениться.

Я ждал, что кто-нибудь выйдет из деревьев.

Человек в форме. Женщина с водой. Кто угодно, кому можно сказать: у меня в ноге металл, я не знаю, что делать.

Лес оставался пустым.

Через какое-то время ткань перестала намочать так быстро. Я не поднял её посмотреть. Боялся, что всё начнётся снова. Лежал, прижимая ладонь, пока рука не затекла и не пришлось перехватить футболку иначе.

Только тогда вспомнил про телефон.

Он оставался в кармане куртки. Молния застегнулась наискось и не открывалась. Я тянул её одной рукой, второй продолжая держать ткань на ноге. Пришлось ухватить зубами язычок и повернуть карман так, чтобы не перекашивало.

Телефон выскользнул в ладонь мокрым и тяжёлым.

Стекло было разбито.

Я нажал кнопку. Потом держал её дольше. Повернул аппарат, протёр рукавом. Экран оставался чёрным.

— Давай.

Экран не загорелся.

В щели возле корпуса блестела вода. Я перевернул телефон, встряхнул, снова нажал. Потом перестал: от каждого движения в кармане плескалось, и стало понятно, что кнопка здесь уже ничего не решает.

Мама ждала сообщения после посадки.

Я положил аппарат на песок, потом поднял и завернул во внутренний край куртки.

Чехол под футболкой натирал грудь. Я вытащил его. Внутри виднелись паспорт и сложенные бумаги. У одного угла потемнело, но застёжка ещё держала. Я не стал открывать его мокрыми руками.

На этой вещи мама всё-таки настояла.

Я прижал чехол ко лбу. Пластик был тёплым, пах собой и ничем домашним. Сразу стало так больно, что я убрал его обратно.

Море шумело возле ног.

Сначала мне показалось — так же, как раньше. Потом волна дошла до места, где я оставил мокрый след локтя. Я посмотрел выше. До деревьев оставалось несколько метров. Перед ними тянулась неровная полоса старых листьев и обломков веток.

Нужно было туда.

Я положил телефон в карман, отпустил ткань и попытался сесть. Перед глазами поплыло. Пришлось подождать, упираясь правой ладонью в песок.

Встать не получилось.

Левая нога не принимала вес, правая дрожала, и я сразу сел обратно, едва не ударив рану. От испуга вспотел сильнее, чем от попытки подняться.

Я пополз.

Подтягивал себя локтями и здоровой ногой, оставляя левую чуть в стороне. Металл цеплялся за ткань. При каждом зацепе приходилось останавливаться, освобождать край и снова двигаться. Когда я обернулся, волна уже закрыла мой след. Пришлось ползти быстрее.

За полосой мусора песок стал плотнее, потом сменился землёй. Под одним деревом лежала толстая отломленная ветвь. Я посмотрел вверх и отполз в сторону. Другого способа решить, где не придавит следующей, у меня не было.

Низкие корни образовали неглубокую выемку. Я устроился на правом боку, осторожно передвинул левую ногу и прикрыл её расстёгнутой курткой так, чтобы ткань не давила на обломок.

В тени стало немного легче.

Я долго слушал, нет ли кроме прибоя ещё какого-нибудь звука. Один раз различил гул и поднял голову, но он оборвался вместе с волной. Снова лёг.

На землю возле лица упала капля.

Я посмотрел вверх. Следующая попала на ладонь. Потом зашуршали листья, и стало капать чаще.

Я раскрыл рот.

Вода оказалась пресной. Несколько капель, почти ничего. Я подставил ладонь, подождал, пока в ней наберётся, поднёс ко рту и понял, сколько на коже песка и крови.

Осторожно вылил.

Сунул голову дальше под край листа, с которого стекало. Приходилось тянуть шею, но капли попадали прямо на губы. Я пил так, не умея набрать больше, и злился, что вокруг столько воды, а у меня даже нет кружки.

Дождь закончился раньше, чем исчезла жажда.

Я лежал и думал о бутылке, которую убрал в самолёте. О том, как правильно её поставил, чтобы никому не мешала. Если бы держал в руке, она, может быть, осталась бы со мной.

Вслед за бутылкой возникло запястье Джоэла.

Я спрятал свою руку под куртку.

К вечеру появились укусы. Я отмахивался от насекомых, потом накрылся тканью, насколько хватало. Свет уходил из-под деревьев быстро.

Я попытался представить, что где-то на этом берегу есть дом. Небольшой, с открытой дверью. Завтра из него выйдут люди и удивятся, почему я не кричал громче.

— Помогите, — сказал я.

Послушал.

Потом крикнул, насколько позволило горло.

Ответа не было.

Когда совсем стемнело, я всё ещё слышал море, но больше не видел, как далеко оно подходит. Сел, дотянулся до земли перед собой. Сухо. Подождал, проверил ещё раз.

Четвёртое марта. Утром я смотрел на посадочный талон. Повторил дату вслух, чтобы запомнить. Потом своё имя.

Матвей Орлов. Девятнадцать лет. Мама в Калининграде. Отец должен ждать у другого самолёта — нет, у этого, только там, куда мы не долетели.

На имени отца я остановился.

Он сейчас уже знал. Не мог не знать. Самолёт не прилетел, и кто-то должен был подойти к людям, которые его встречали.

Я вцепился в край куртки и лёг обратно.

Впервые за день мне захотелось, чтобы отец сделал что-нибудь сам, без моего сообщения.

Глава 4. То, что осталось

С утра я не смог вспомнить, как долго держал Джоэла за руку.

Во сне я держал её сам. Он висел где-то внизу, а я лежал на сухом полу и разжимал пальцы по одному. Проснулся с собственной рукой возле лица, сжатой так сильно, что ногти оставили следы.

Я смотрел на ладонь, пока не заболела нога.

Куртка лежала поверх бедра. За ночь я несколько раз сдвигал её, и край прилип возле разрыва штанины. Пытаться снять сразу не стал. Мне уже хватило одного движения во сне, от которого я проснулся с криком.

Солнце ещё не добралось до моего места. Я достал из-под куртки телефон, нажал кнопку и убрал. Экран так и не включился.

Во рту всё слиплось.

На пляже лежало чёрное.

Я заметил его, когда пытался разогнуть правую ногу. Вчера там были только водоросли и ветки. Теперь возле края прибоя что-то переворачивалось с каждой волной, цепляясь за длинную ленту.

Сумка.

Я сел. Подождал, пока перестанет кружиться голова, и посмотрел ещё раз. Чёрный рюкзак. До него оставалось

несколько метров.

Встать не получилось и сегодня.

Я дотянулся до лежавшей рядом ветки, упёр её в землю. Она согнулась. Я убрал вес вовремя, но от попытки заболело плечо. Следующая палка оказалась толще. С ней удалось приподняться, держась другой рукой за корень.

Надолго меня не хватило. Правая нога дрожала, а левую я боялся даже распрямить. Пришлось сесть и добираться до сумки так же, как вчера до деревьев.

Несколько раз она исчезала за пеной.

Тогда я торопился, цеплял металл о ткань и останавливался уже от боли. Потом двигался медленнее, глядя только на следующий участок песка. Не хотел снова проверять, есть ли там рюкзак.

Я схватил ручку, потянул. Сумка поднялась краем, из неё полилась вода. Возле моей ладони болталась красная петля.

Джоэл.

Я отпустил ручку.

Волна повернула рюкзак ко мне другой стороной, ударила его о колено и стала тянуть обратно. Пришлось ухватиться снова. Я держал его обеими руками, пока вода отходила, потом протаскил выше по песку.

Чужой человек больше не мог сказать, что я взял не свою сумку.

Я лежал возле неё, восстанавливая дыхание, и ненавидел эту мысль. Внутри могла быть вода. Мне нужна была вода.

Можно было открыть рюкзак, не придумывая, что это означает.

Молния шла туго. В зубах застрял песок. Я потянул слишком сильно, сломал пластиковый язычок и выругался. Подцепил остаток ногтями. В конце концов получилось раздвинуть узкую щель и просунуть руку.

Первым достал мокрый свёрток одежды.

Потом увидел бутылку.

Большую, с прозрачной водой и целой полоской под крышкой. Я долго крутил её в руках, проверял, не пробита ли. Крышка хрустнула так громко, что я вздрогнул.

Первые глотки ушли сами. Я наклонил бутылку слишком сильно, закашлялся, часть пролил на грудь. Опустил, попробовал отдышаться и поднял снова.

Остановился, когда увидел, насколько понизился уровень.

Завинтил крышку обеими руками.

Я попробовал улыбнуться и сразу заплакал.

Слёзы закончились быстро. Больше сил на них не было. Я вытер лицо мокрым рукавом, притянул рюкзак и начал вытаскивать остальное.

Внутри находился завязанный пакет. Воздух из него почти вышел, по краям затекло, но середина оставалась сухой. Там лежали запасная клетчатая рубашка, небольшое полотенце и бельё. Отдельно — два батончика и пачка крекеров. Обёртки не разошлись. Я положил их возле бутылки, потом передвинул ещё выше, хотя вода сюда не доставала.

На дне рюкзака была металлическая коробка с защёлками. Внутри размокла еда. Запах заставил меня сразу отвернуться. Я закрыл крышку, отставил коробку подальше, потом посмотрел на неё ещё раз. Коробка была целая. Еду можно было выбросить.

В боковом кармане нашлись маленькие ножницы, расчёска, карандаш, ложка. Мокрая пачка сигарет и зажигалка. Я щёлкнул ею. Не загорелась. Щёлкнул ещё, пока палец не заскользил, и положил рядом: хоть что-то в ней должно было когда-нибудь высохнуть.

Другая бутылка, маленькая, смялась почти пополам. Крышка сидела криво, внутри плескалась мутная вода. Я вылил её, но бутылку оставил.

Бумаги лежали в отдельном застёгнутом пакете. Он пропускал меньше воды, чем рюкзак, но больше, чем нужно. Я вынул пластиковую карточку, несколько купюр, снимок двух женщин у синей стены. Края фотографии намокли. Лица ещё были видны.

На карточке стояло имя: Джоэл Рови.

На фотографии ничего не было написано.

Я перевернул её, посмотрел на пустую оборотную сторону и положил лицом вверх, чтобы подсыхала. Потом нашёл ключи с зелёным поплавком. Несколько обычных ключей на кольце. Один длиннее остальных.

Я не знал, от чего они.

От дома, наверное. Или от лодки. Кто-то должен был

узнать их сразу, как я узнал бы мамину связку с облупившимся зайцем.

Сложил их рядом с карточкой. Всё, что было с именем или лицом, — отдельно.

До деревьев я возвращался частями. Сначала перенёс воду и еду в свёрнутой рубашке, толкая перед собой. Потом вернулся за сумкой. Ложку едва не оставил: она спряталась под полотенцем. Я уже полз обратно, когда увидел блеск, и из-за этих нескольких лишних движений захотелось бросить всё на месте.

Взял и ложку.

У корней сел с таким облегчением, будто добрался домой.

Нога дрожала. Ткань на бедре снова потемнела, и теперь нужно было что-то делать с прилипшим краем куртки. Я положил рядом воду, полотенце, ножницы. Посмотрел на них и долго не начинал.

Сначала съел половину батончика. Шоколад растаял и отлипал от обёртки кусками. Я слизывал его с пальца, забывая, сколько на руке грязи. Вспомнил, перестал. Допил немного воды.

Я завернул половину чужого и убрал обратно.

Потом смочил прилипшую ткань. Подождал. Край отошёл не весь. Я снова полил, чувствуя, как жалко каждый глоток, который уходил на землю. Солнце двигалось, на бедро уже попадал свет, и спрятать всё обратно было поздно.

Ножницами удалось разрезать только свободный край

штанины. Остальное мешало. Я попробовал чуть приподнять мокрую ткань.

Серый обломок повернулся вместе с ней.

Я замер, удерживая его через складку брюк. Видел оба коротких конца и надорванный лоскут между ними. Всё было близко к поверхности, но это не делало вид менее страшным. Я не знал, что находится под этой красной складкой, и боялся ошибиться даже в том, куда поставить пальцы.

Надо было отпустить ткань.

Я попытался. Намокший шов зацепился за острый край. Пока я ослаблял хватку, нога сама дёрнулась от боли, повреждённая кожа разошлась ещё чуть-чуть — и металл оказался у меня в руке, завёрнутый в ткань.

Я не сразу понял, что произошло.

Потом кровь потекла сильнее.

Я выронил обломок, прижал к бедру сложенное полотенце и согнулся над ним, не чувствуя, что делаю правой ногой. В голове было только: зря. Зря тронул. Теперь уже нельзя вернуть обратно.

— Мам, — сказал я.

Так тихо, что почти не услышал.

Я держал ткань обеими руками. Не поднимал её, хотя хотелось каждую секунду посмотреть. Под ладонью становилось мокро. Я прижимал сильнее и боялся, что этого мало, что сейчас намокнет всё полотенце и больше прижимать будет нечего.

На бедро села муха.

Я дёрнул головой, пытаюсь согнать, потому что руки нельзя было убрать. Муха перелетела к колену. Я смотрел на неё с такой злостью, какой не чувствовал даже к воде.

Не знал, сколько прошло времени.

Когда наконец смог чуть расслабить плечи, свежая кровь уже не растекалась по ткани так быстро. Я всё равно держал ладонь. Дождался, пока перестанет темнеть перед глазами. Потом лёг на правый бок, оставив полотенце на месте.

Металл лежал на земле возле разрезанных брюк.

Короткий. Короче большого пальца. Плоский с одного края, загнутый с другого, с клочком синей ткани на зазубрине. Невозможно было понять, от чего он отломился. Я смотрел на него и не мог поверить, что такая маленькая вещь занимает теперь всю мою жизнь.

Поднял только через долгое время. Завернул в ненужный мокрый обрывок и положил в дальний карман рюкзака. Не знал зачем. Может быть, его нужно будет показать врачу.

От мысли о враче стало немного легче.

К вечеру я смог осторожно закрыть рану другой частью полотенца и закрепить полосами ткани, не затягивая ногу до онемения. Всё получилось криво. Я боялся и того, что повязка сползёт, и того, что она держит слишком крепко. Несколько раз проверял пальцами свободный край, пока не заставил себя перестать.

До темноты я больше не вставал. На то, чтобы отойти хотя

бы от дерева, сил уже не осталось.

Ночью, когда захотелось снова нажать кнопку телефона, я вместо этого проверил бутылку.

Она стояла рядом.

* * *

На третье утро вода почти кончилась.

На дне бутылки ещё плескалось. Я приберёг воду: оставалось найти другую.

Дождь шёл ночью. Я слышал, как он попадает на листья, и пытался собрать хотя бы немного в крышку коробки. Пока вытаскивал посуду из сумки, пока находил место под струёй, всё кончилось. На дне оказалось меньше, чем во рту после одного нормального глотка.

Теперь солнце подсушивало землю.

Я смотрел на тёмную полосу между камнями у края леса. Там сохранялась сырость, хотя вокруг уже стало светлее. Встал с палкой, не распрямляя левую ногу полностью, и сделал несколько коротких шагов. Добрался до следующего корня. Посидел. Потом ещё несколько.

Снизу, от камней, доносился слабый отдельный звук.

Вода стекала по тёмной поверхности и собиралась в маленькой выемке. Выше был склон с листьями и корнями. До моря отсюда оставалось достаточно места, чтобы волны не долетали прямо сюда.

Я опустил возле выемки.

На воде лежали мелкие кусочки листьев. Под ними было

видно дно. Мне очень хотелось решить, что, раз дно видно, пить можно.

Нужно было вскипятить. Я вспомнил мокрую зажигалку и грязную коробку.

Зачерпнул ладонью.

Вода пахла землёй. Солёной не была.

Я выпил, потом набрал ещё, вылавливая пальцами лист. Потом вспомнил о маленькой бутылке и рассердился, что не взял её сразу. Пришлось возвращаться.

Следующие часы ушли на два коротких пути.

Я вылил испорченную еду из коробки в стороне от своего места. Внутри осталась жирная полоса, которую никак не удавалось убрать ложкой. Тер её чистым на вид песком, полоскал, снова тёр. Каждый раз казалось, что теперь достаточно; каждый раз, посмотрев ближе, видел остатки в углу.

К вечеру коробка перестала пахнуть обедом Джоэла.

Огонь так и не получился.

Зажигалка иногда давала искру. Подготовленные мной веточки чернели, но не загорались. Я держал палец на колёсике, щёлкал ещё и ещё, пока он не заболел, потом швырнул ветку и сразу испугался, что выбросил последнюю подходящую.

Пришлось искать её возле корня.

Я накрыл голову рубашкой и лёг.

Позже живот скрутило так, что пришлось встать в темноте. Не успел уйти достаточно далеко. Нога мешала присесть,

руки искали опору, я злился и плакал от унижения, хотя видеть меня было некому.

Не знал, виновата ли вода. Или грязные пальцы. Или всё, что попало в рот, пока я выбирался из самолёта.

Обратно добрался не сразу. Сидел у дерева и слушал, как дышу. Под утро стало легче. Я пил понемногу то, что оставалось из запечатанной бутылки, и боялся, что всё начнётся снова.

Когда рассвело, сил было меньше, чем накануне.

* * *

Самолёт я услышал, лёжа под рубашкой.

Сначала не поверил звуку. Слишком ровный. Слишком знакомый. Потом он стал громче, отделился от приboя, и я сел, ударившись плечом о корень.

Самолёт.

Я схватил палку, поднялся и пошёл к открытой части пляжа.

Шёл, хотя нужно было бежать. Каждая попытка ускориться обрывалась болью в бедре. Я сделал ещё шаг, чуть не упал, опёрся на палку. Гул продолжал приближаться.

— Здесь!

Голос вышел совсем негромким.

Я сорвал с головы клетчатую рубашку, поднял и замахал. Она была мокрой, тяжёлой. Через несколько движений заболело плечо. Я сменил руку.

Между облаками показалось маленькое белое.

Самолёт шёл вдоль берега, далеко от меня. Я не видел людей внутри, не мог понять, повернули ли к острову. Только белое пятно, затем крыло на мгновение блеснуло.

— Я здесь!

Я махал, пока ткань не обмоталась вокруг кисти. Стал распутывать её, теряя время, и едва не ударил себя палкой. Пятно уменьшалось.

Можно было подняться выше. Можно было сложить что-нибудь на песке. Развести огонь, если бы он разгорался. Я успел придумать всё это, пока стоял с запутавшейся рубашкой в руке.

Гул стал тише.

Я сделал ещё несколько шагов и упал на правое колено.

Не закричал от боли. Воздух был нужен, чтобы кричать туда, в небо.

Самолёт скрылся в облаке.

Я ждал, когда появится с другой стороны. Поднял руку снова. Посидел. Ещё поднял.

Он не вернулся.

Рубашка лежала на моих коленях. Я медленно расправил её, посмотрел на чужие пуговицы и вдруг разозлился на Джоэла: почему у него не было яркой одежды? Красной. Жёлтой. Такой, которую хоть кто-нибудь заметил бы с высоты.

Потом стало стыдно.

Я сложил рубашку и прижал к груди.

На песке передо мной оставались след от колена, две неровные борозды и дырки от палки. Сверху всё это, наверное, выглядело как обычный пустой берег.

Я сидел, пока гул окончательно не перестал мерещиться.

Потом взял палку за тонкий конец и начал чертить на песке первую букву.

Глава 5. Без ответа

Буквы смыло ночью.

Утром я увидел только верхний конец первой: неглубокую борозду возле сухих листьев. Всё остальное стало ровным песком. Я провёл пальцем там, где вчера была буква.

Нogu ночью дёргалo. Несколько раз я просыпался, менял положение и снова засыпал, не успев устроиться. Теперь под повязкой болело даже без движения. Я не стал сразу идти к берегу. Сел, протянул руку к бутылке и вспомнил, что вода в ней сырая.

Вчера я наполнил обе.

Другой не было.

Я пил понемногу. Ждал, что живот снова скрутит, но на этот раз обошлось.

В рюкзаке осталось несколько крекеров. Я высыпал их на чистую сторону крышки, пересчитал, потом переложил обратно. Четыре целых и обломки. Батончики закончились накануне. Больше готовой еды не было.

На плоском сухом обломке дерева я написал карандашом числа.

Четыре. Пять. Шесть. Семь.

Внизу добавил восемь.

Пятый день.

Я сверил с пальцами, потом ещё раз. Гул самолёта над бух-

той я слышал вчера, седьмого. Это я помнил. На восьмое получалось пять дней, если считать и тот, когда упали.

Числа я убрал в пакет с документами Джоэла. Мой паспорт туда пока не перекладывал: его чехол застёгивался лучше. Снимок женщин подсох, но пошёл волнами. Я прижал его между карточкой и листом бумаги, стараясь не тереть лица.

И снова взял зажигалку.

Мокрые ветки уже обгорели с концов. Я всё надеялся, что они займутся, если дольше держать пламя. Только обжигал палец.

Сегодня начал с малого.

Внутренняя сторона тонкой палочки была светлой. Я расщепил её, уперев в камень, содрал несколько торчащих волокон. Ножницы скорее мяли древесину, чем резали. Пришлось оставить их и ломать руками.

Рядом положил маленький кусок картонной упаковки. Он высох среди вещей. За него мне было страшнее всего: второго такого не находилось.

Место выбрал в стороне от корней, где земля была почти голой. Сдвинул листья, посмотрел вверх, потом устроил перед собой несколько камней. Хотел поставить коробку сразу и понять, будет ли держаться. Коробка наклонилась. Поправил опору. Она наклонилась в другую сторону.

Я едва не бросил её.

Вместо этого убрал и занялся огнём.

Пламя появилось с третьего щелчка. Я поднёс картон, дождался тёмного края, положил его на землю. Слишком быстро. Пламя погасло.

На этот раз я не стал щёлкать сразу снова. Подвинул тонкие волокна ближе, оставил промежутки, как они сами легли. Поджёг оставшийся угол. Держал, пока огонь не дошёл почти до пальцев, и осторожно опустил.

Маленькая щепка загорелась.

Потом вторая.

Я не двигался. Казалось, даже выдохнуть не туда — и всё исчезнет. Пламя поднялось выше, зацепило тонкий край следующей ветки. Я добавил ещё одну, слишком толстую; она придавила огонь, и пришлось поспешно снять.

Огонь остался. Я осторожно подложил другую щепку.

Коробку поставил позже. Налил не до краёв, придержал сложенной тканью, пока она перестала шататься. Сел напротив и смотрел на воду.

Ветки приходилось добавлять всё время. Стоило отвлечься на ногу, пламя уменьшалось. Я подполз ближе, чтобы доставать запас, не вставая. От дыма слезились глаза. Пересесть было неудобно, и я только поворачивал голову.

Первые пузырьки появились по краям.

Я хотел сразу снять коробку. Вода же нагрелась. Потом вспомнил, что нагретая — ещё не обязательно кипевшая, и остался сидеть. Когда поверхность забурила целиком, начал считать вслух до шестидесяти. Медленно, сбивался, начинал

с места, в котором был уверен.

Защёлка обожгла палец, хотя я взялся через ткань. Я отдёргнул руку, чуть не опрокинул воду и замер перед коробкой, уже готовый заплакать от одной мысли, что сейчас всё вылью.

Не вылил.

Нашёл толстый сухой участок полотенца. Снял с другой стороны, медленно, двумя руками. Поставил на землю и закрыл крышкой, не защёлкивая.

Огонь потрескивал. Я сидел перед ним с больным пальцем во рту и впервые не пытался немедленно придумать, что ещё нужно сделать.

Теперь можно было подождать, пока вода остынет.

* * *

Первый кокос я разбил зря.

Он лежал ближе остальных, под деревом на краю пляжа. Я подтянул его палкой, покатил к своему месту и долго бил камнем. Наружная оболочка пружинила. Когда наконец поддалась, под ней оказалась тёмная рыхлая масса с неприятным запахом.

Я смотрел на неё, не желая сразу выбрасывать.

Потом подумал о ночи возле дерева и оттолкнул плод подальше.

На следующий день выбрал другой.

Тяжёлый, без мягкого мокрого места. Внутри что-то плескалось. Мне хотелось разрезать его ножницами, как пакет.

Ножницы даже не прокололи оболочку.

Я принёс плод к камню с неровным краем и начал давить об него, осторожно поворачивая. От нагрузки тянуло бедро. Пришлось сесть по-другому, удерживать кокос здоровой ногой и работать короткими движениями.

Отслоился клочок волокон.

Я потянул, получил ещё немного и решил, что сейчас дело пойдёт быстро. Не пошло. Через несколько минут пальцы болели, и мне хотелось только отложить всё до завтра.

На завтра оставались два крекера.

Я отложил кокос на время, выпил, а потом всё-таки вернулся к нему.

Под наружными волокнами оказался коричневый шар. Такой я видел в магазине. От узнаваемого вида стало спокойнее, как будто самое трудное уже сделал кто-то другой.

Скорлупа раскололась, когда я перестал пытаться ударить сильно и начал попадать в одно место. Часть жидкости вылилась на землю. Я подставил крышку слишком поздно; в ней оказались вода, грязные волокна и мелкие кусочки оболочки. Пить это не стал.

Мякоть внутри была белой.

Я соскоблил ложкой маленький кусок, долго очищал его пальцами от твёрдой крошки и наконец положил в рот.

Я сидел, прижимая половину плода к животу, ел понемногу и слышал, как под ложкой скребёт скорлупа. Делал перерывы, потому что уставала челюсть. Впервые голод не за-

ставлял немедленно открывать пакет и пересчитывать то, что исчезает навсегда.

Под пальмами ещё лежали плоды.

Я не знал, сколько среди них хороших. Не умел быстро открывать. Под высокими деревьями тоже было страшно: один кокос упал недалеко, пока я подтягивал свой, и звук получился совсем не игрушечный.

Завтра я попробую открыть ещё один.

* * *

На седьмой день я вынес знак выше.

Волны научили лучше, чем любая статья, которую я мог когда-то прочесть и забыть. Внизу надпись исчезала. Ближе к деревьям её закрывала тень. Я выбрал сухое место между ними и перетащил несколько светлых веток.

Три буквы заняли совсем немного песка.

Я посмотрел, отошёл на столько, на сколько хватило сил, и понял, что сделал их маленькими. Сверху они вообще могли не выглядеть буквами.

Пришлось раздвигать.

Одну палку волок, держась за толстый конец. На середине нога начала пульсировать, и я сел прямо рядом с недоделанной S. Под повязкой стало влажно. Я проверил край ткани и решил, что на сегодня хватит.

Не хватило.

Через некоторое время я всё-таки дополз до последней ветки и повернул её иначе. Потом сидел, вытянув ногу: под-

няться сразу уже не получилось.

Под вечер оторвал от старого чехла подушки длинную синюю полоску. Подушку вынесло в ту же бухту накануне; я притащил её к деревьям, высушил сверху и теперь сидел на ней. Внутри она всё ещё хлюпала. Для неба синяя полоска была слишком тёмной, но лучше яркой ткани у меня не нашлось. Я привязал её к ветке у знака.

Надпись лежала на песке. Ветка качалась.

Я ждал, что от готового знака станет спокойнее.

Вместо этого появился новый страх: вдруг он и останется единственным, что здесь увидят.

Укрытие у корней я переделал в тот же день. Не потому, что научился строить. Просто дождь снова залил мне лицо, и терпеть это больше не хотелось. Сложил над местом для головы два широких упавших листа, подпер короткой веткой. Они держались, пока не поднялся ветер. Потом один перевернулся, второй сполз на плечо.

Сделал ниже. Прижал край тяжёлой веткой, которую удалось подкатить. Сесть под крышей уже нельзя было, зато капли стали падать чуть дальше от лица.

Я лёг и прислушался.

Море. Насекомые. Ветка, которая скребла о другую ветку. Где-то резко крикнула птица, и я приподнялся, прежде чем понял, что человеческого голоса в этом звуке не было.

— Да знаю я, — сказал я.

Птица крикнула снова.

Я закрыл глаза. В темноте возле самой кожи возникли чужие пальцы. Пришлось разжать собственную руку, положить её ладонью вверх и ждать, пока пройдёт.

Джоэл не спрашивал, сколько мне лет. Не спрашивал, умею ли я вытаскивать людей из самолётов.

Он увидел человека возле выхода и решил, что этот человек может ему помочь.

Я лежал, пока не стало совсем темно. Потом перевернул ладонь и нащупал под боком подушку, за которую держался в воде.

Завтра нужно было снова вскипятить воду.

Этого я уже хотя бы один раз добился.

Глава 6. Рядом с морем

Краб вылез из-под камня, замер и попятился обратно.

Я тоже замер.

Он был не очень большой, с одной толстой клешнёй. В детстве я ловил на Балтике крошечных рачков и выпускал, потому что мама не разрешала приносить их в номер. Тогда самым сложным было уговорить её купить ведёрко.

Теперь у меня имелась целая металлическая коробка.

Я поставил её у камня и повёл палкой с другой стороны. Краб повернулся. Я переставил коробку. Краб снова повернулся, протиснулся в щель и исчез. Под камнем шевелилось что-то ещё, но поднять его одной рукой не получалось, а садиться в воду мне не хотелось.

В неглубокой лужице двигались рыбки. Если не шевелиться, они подплывали почти к кроссовку. Я попробовал накрыть одну коробкой. Вода плеснула на руку, металл стукнул о камень, а рыба оказалась там же, где была, только с другой стороны.

Я поймал песок и прозрачный мусор.

На втором ударе в доньшке появилась вмятина. Я провёл по ней пальцем, поднёс коробку к глазам. Дырки вроде не было, но сразу стало страшно: сейчас пробью — и даже воду кипятить будет не в чем.

Вылезать пришлось на четвереньках. Мокрый камень уез-

жал из-под правой ноги, левую я не мог достаточно согнуть. Сначала поставил наверх коробку, потом выбрался сам. У края лужицы снова показалась рыба.

— Ешь песок, — сказал я ей.

Обратно шёл долго. Две остановки до тени, ещё одна возле рюкзака, потому что нужно было решить, как сесть. Я уже знал, с какой стороны подставлять палку и куда вытянуть ногу, а всё равно иногда делал по-старому. Резкое движение сразу отзывалось болью в бедре.

Повязка прилипла. Я смочил её, ждал, отвлекался на муравьёв и снова ждал. Когда наконец снял, увидел на ткани желтоватое пятно и свежую кровь по одному краю. Кожа вокруг была краснее, чем на здоровой ноге. Мне казалось, краснота ползёт, пока я смотрю.

Я взял карандаш и остановился. Обводить рану грязным грифелем не хотелось. Вместо этого отметил на чистом краю полоски, где заканчивалось красное, и запомнил, как прикладывал ткань. Дурацкое измерение. Но иначе вечером я опять не смог бы понять, стало хуже или только темнее.

На промывание ушла часть остывшей кипячёной воды. Я злился на себя за каждый плеск мимо ноги. Потом обнаружил, что всё это время стискивал ложку в левой руке, хотя собирался положить её ещё возле моря.

Я стал забывать, зачем беру вещи. Искал бутылку, которая стояла возле ноги, злился на молнию. От запаха нагретой древесины почему-то вспомнилась жареная картошка.

Крекеры закончились вчера. Утром я открыл второй хороший кокос; половина ещё оставалась в скорлупе, прикрытая крышкой. Я выскребал мякоть, пока ложка не начала скользить по твёрдому коричневому слою. От одного и того же вкуса уже мутило, хотя еды было мало. Я попытался вспомнить, что ещё здесь можно есть, и перечислил про себя названия, которые ничего не давали: плоды, коренья, рыба. Где они, эти коренья, и почему я должен узнать правильные?

В школе мне нравились книги, в которых потерпевший кораблекрушение находил на берегу всё необходимое. Я помнил, что у него была смекалка. Не помнил, что именно он делал, когда хотелось нормальной еды и нельзя было встать без палки.

* * *

На восьмой день море принесло кусок прозрачного пластика.

Он застрял в сухих ветках на краю прибоя. Я увидел блеск издалека и сначала решил, что это вода. Подошёл только после того, как заметил жёлтую полосу упаковочного скотча. Плёнка оказалась слипшейся, с двумя длинными разрывами. На ней держались песок, водоросли и несколько мелких ракушек. Из самолёта она была или плавала здесь раньше, я не знал.

Я расправлял её на песке, словно скатерть. Получался неровный кусок, шире моих плеч и немного длиннее вытянутой руки. Полностью накрыть им себя не выйдет, зато го-

лова и рюкзак должны поместиться.

Вторая половина дня ушла на крышу.

Плётка сползала с гладкой ветки. Я заворачивал край, прижимал, искал что-нибудь тяжёлое, возвращался и видел, что ветер уже всё перевернул. Когда попытался проделать отверстие ножницами, оно тут же поползло дальше. Пришлось опустить крышу почти до земли и навалить ветки снаружи. От листьев я не отказался: положил их поверх дырявого конца.

Проверять было нечем. Дождя не случилось ни вечером, ни ночью.

Я лежал под своей новой крышей и думал о том, что мама сейчас наверняка не выключает свет. Дома я всегда просил закрывать дверь в коридор, потому что полоска на полу мешала спать. Она забывала. Я вставал, сердился и закрывал сам.

Я вспомнил последнюю ссору. Мама стояла на кухне с полотенцем в руках. Спрашивала, зачем мне ехать к человеку, который за восемь лет не приехал на мой день рождения.

— Работа у него, — сказал я.

— Восемь дней рождения подряд?

— Девять, — поправил я.

После этого она замолчала. А я разозлился ещё сильнее: её молчание выглядело как победа. Сказал, что она не может решать за меня. Что я взрослый. Что мне самому нужно разобраться.

Всё это было правдой. Только говорил я так, будто для разговора с отцом обязательно нужно сначала сделать ей больно.

Я нащупал через рубашку чехол, который она заставила меня надеть.

— Мам, я живой, — сказал я.

Из-за этих слов стало трудно продолжать. Сначала пришлось прокашляться, потом подождать. Она ведь меня не слышала. Всё, что я мог ей сейчас сказать, оставалось здесь, под низкой грязной плёнкой.

— У меня вода есть. И огонь. Я на берегу.

Я хотел добавить, что пострадал не очень сильно. Вместо этого убрал руку с чехла и потянул ткань, чтобы она не касалась больного места.

Телефон лежал рядом, в пакете. Два дня я его не доставал. В последний раз под стеклом был мутный след, похожий на высохший отпечаток пальца. Я тогда протёр экран и опять нажал кнопку. Ничего не произошло.

Лучше бы мама сейчас на меня злилась. Я бы слушал и не перебивал.

* * *

Утром девятого дня полоска ткани показала, что краснота не стала шире. К вечеру я проверил ещё раз. Результат получился такой же, и я решил ему верить, потому что другого способа не было.

Я стирал использованные полоски отдельно от питьевой

посуды, долго полоскал и развешивал на солнце. Чистой одежды оставалось всё меньше. В запасной рубашке Джоэла я теперь ходил, а свою футболку разрезал постепенно, выбирая места без песка и засохшей крови. Больше всего хотелось вымыться целиком. Но, когда я подумал, сколько воды для этого потребуется и сколько раз придётся идти к стоку, желание сразу уменьшилось.

С кроссовками оказалось проще. Я расшнуровал их, вынул стельки и оставил в тени. Пятки были белыми и сморщенными. Правая ступня была натёрта возле большого пальца. Сидел босиком, отгоняя насекомых; перед каждым выходом надевал кроссовки обратно. Если проколю ещё и ступню, далеко не уйду.

Далеко я пока и не собирался. До камня у воды, к ближайшим пальмам, к своему неглубокому стоку. Всё это стало одним и тем же коротким кругом. Я знал, где сухая ветка касается плеча, где камень качается под ногой, где удобнее присесть. За последним знакомым деревом начиналась земля, о которой я не знал ничего.

К вечеру я подошёл к нему и заглянул дальше. Склон уходил вверх. На нём лежали широкие листья, среди них торчал серый обломок ветки. Я сделал три шага, не нашёл удобного места для четвёртого и вернулся.

Из-за этого почему-то стало стыдно. Я девять дней лежал в одной бухте. Даже если в лесу кто-то был, он не мог узнать обо мне только потому, что я очень этого хотел.

За стыдом потянулась другая мысль: человек, который просил меня остаться, вообще не мог никуда пойти.

Я вытащил из рюкзака его ключи. Маленький зелёный поплавок высох, но в щели всё ещё белела соль. На самом длинном ключе была синяя точка краски. Я попробовал представить дверь, к которой он подходил, и не сумел. На фотографии у Джоэла была синяя стена. Может быть, дверь рядом. Может быть, вообще другой дом.

Я положил ключи обратно к снимку.

Ночью запястье снова разбудило меня, хотя болеть там почти перестало. Я лежал с зажатой между коленями рукой и никак не мог её вытащить. Сначала не понимал почему. Потом открыл глаза, увидел плёнку над лицом и разжал колени.

Спать под низкой крышей вдруг оказалось невозможно. Я выбрался наружу, сел и ждал, пока перестанет казаться, что нужно немедленно вырваться ещё откуда-то. Я зажал уши, но всё равно слышал прибой.

* * *

На десятый день воду пришлось собирать почти по каплям.

Прежде она стекала с камня тонкой струйкой. Теперь темнела на нём, собиралась внизу и исчезала в земле. Я положил под край чистый кусок пластика — тот, который отрезал от рваной крыши. Он провис, вода пошла мимо. Подпер маленьким камнем. В узкой бутылке набралось на два глотка, пока затекала здоровая нога.

Надо мной было светлое небо. Я смотрел на него с той же обидой, с какой раньше смотрел на дождь.

В бутылке ещё оставалась вчерашняя кипячёная вода, а ближе к полудню удалось собрать половину маленькой. Я отнёс её к огню и снова пошёл ждать. После второго возвращения больше не хотелось ни есть, ни разговаривать с собой. Всё, на что хватало дня, — сидеть у камня и тащиться обратно.

Перед сумерками я залез чуть выше, держась за толстый корень. Там земля тоже была влажной. В нескольких шагах из неё выступал ещё один камень, за ним росло кривое дерево. Я не мог увидеть, откуда вода приходила сюда после дождя.

Зато отсюда впервые было видно верхнюю часть мыса. Не отвесную стену у моря, а заросшее плечо, которое уходило дальше за деревья.

Я постоял, пробуя вес на левой ноге. Боль сразу напомнила о себе. Но до этого корня я всё-таки дошёл и ещё мог спуститься.

На следующий день решил попробовать до кривого дерева.

Глава 7. Дорога наверх

Кривое дерево оказалось ближе, чем я думал. Утром одиннадцатого дня я дошёл до него и прислонился спиной к стволу. Воды наверху не было. Под корнями сохранилась прохладная земля, но стоило разгрести листья, как на пальцы налипла обычная грязь.

Я пошёл вдоль склона. Выше тянулась неглубокая ложбина, вся забитая мокрым опадом. По ней что-то стекало во время дождя; сейчас дно лежало сухим. Мне хотелось вырыть яму и дожидаться, пока она наполнится. Я попробовал палкой. Земля почти сразу стала твёрдой, а сбоку началось такое переплетение корней, что даже здоровый человек с лопатой провозился бы долго.

Я сел на поваленный ствол и выпил. Бутылку принёс полную, потому что шёл искать воду. Пока получалось только унести её подальше от дома.

Свой навес я уже называл домом. Теперь пытался увидеть через деревья светлый кусок плёнки, но он исчез из виду.

Море слышалось отовсюду.

Я встал, чтобы идти обратно, и обнаружил, что не помню, с какой стороны обошёл этот ствол. Справа выглядело удобнее. Слева лежала ветка, через которую я, кажется, переступал. Я прошёл вправо, увидел перед собой плотную стену кустов и остановился.

Меня прошиб пот. До берега отсюда было совсем недалеко — я знал это. Даже если спуститься не туда, всё равно выйду к морю. Только внизу мог оказаться обрыв, а на возвращение наверх уже не хватит сил.

Я поспешил обратно к стволу. Споткнулся, взмахнул руками и больно упёрся палкой в землю. Всё тело дёрнуло бедро. Пришлось замереть, пока отпустит.

— Стой здесь, — сказал я себе.

На стволе, где я сидел, остался мокрый след от бутылки. Я потрогал его и неожиданно успокоился. Значит, это точно то место. Отсюда можно попробовать ещё раз, только не лезть сразу дальше, если опять не узнаю деревья.

Через несколько шагов слева нашлось кривое дерево. С него свисал длинный обрывок коры, которого я утром не заметил. Я повернул за него, спустился к большому корню и увидел свой камень с водой.

Внизу я долго сидел с закрытой бутылкой в руках. Я сердился на себя: ушёл совсем недалеко и едва не потерял дорогу.

Назавтра я взял с собой полоски ткани.

* * *

Белой ткани было жалко. Из неё получались повязки, и я не хотел расходовать её на деревья. Для меток отрезал узкие ленточки от синего чехла подушки. Проверял, виден ли каждый следующий узел, прежде чем уходить от предыдущего.

За кривым деревом нашлось место, по которому мож-

но было идти поперёк склона. Не тропа. Просто несколько участков без густых кустов, соединённых неудобными переходами. Первую упавшую ветку я перелез. У второй сел, снял рюкзак и протолкнул его в просвет снизу. Это оказалось легче, чем пытаться перешагнуть с грузом на спине.

С левой стороны открылся маленький клочок моря.

Я смотрел на него дольше, чем нужно было для отдыха. Сверху вода стала другой: появились полосы разных цветов, длинный тёмный камень под поверхностью, белые края волн. Между ними было видно место, где берег уходил из моей бухты за мыс. Я никогда не видел его целиком. На уровне пляжа впереди стояла стена, и казалось, что за ней ничего нет.

Отец как-то прислал мне фотографию своей лодки. На снимке под ней просвечивало дно, и я подумал, что здесь вообще нельзя утонуть — настолько всё было мелким и светлым. Потом приблизил фотографию и увидел, что он держит в руке пиво. Я собирался спросить, сколько у него людей в мастерской. Спросил, вкусное ли местное пиво. Он прислал смеющийся значок.

Сейчас я смотрел вниз, прижавшись плечом к стволу, и пытался представить, как он объясняет кому-нибудь, зачем я прилетел.

Наверное, говорит: к отцу.

О том, что мы почти не разговаривали, можно не упоминать.

Я подождал, пока эта мысль перестанет мешать смотреть, и достал ещё одну синюю полоску. На обратном пути её должно быть видно со стороны просвета. Завязал, отошёл, вернулся поправить.

Дальше идти в тот день не стал. На повязке проступило небольшое влажное пятно, а в бутылке оставалось меньше половины. Это ещё не было бедой. Я хотел вернуться до того, как станет.

* * *

Дождь начался ночью на тринадцатый день. Первые капли попадали в щёку через дыру в плёнке. Я проснулся злой, потом услышал, как шумит вся крыша, и полез за коробкой.

От края текло прямо на землю. Я сдвинул подпорку, сделал узкую складку. Струя переместилась, попала на руку, на рукав, на коробку и наконец внутрь. Первую воду с грязью вылил; собирать стало получаться, когда с поверхности смыло прилипшие листья и песок. Бутылки стояли рядом, но переливать в них горячее я уже не собирался. Сначала набрать. Потом огонь, если удастся сохранить растопку.

Я стоял на коленях, почти весь снаружи, и пытался одновременно держать край крыши и посуду. Куртка промокла. На затылок лилось с листа. Несколько раз вода плеснула мне в лицо, и я отшатывался сильнее, чем нужно.

Когда коробка наполнилась, я отодвинул её и уселся под сухой частью. Рука, державшая пластик, дрожала. От воды меня отделяли теперь только тонкая крышка и полшага зем-

ли, а я всё равно посмотрел на бутылки: сколько там прежней, можно ли пока не вставать.

До утра не заснул. Дождь то затихал, то снова начинал молотить по укрытию. Под спиной набралась влага. Я передвинул подушку, переставил рюкзак и поймал себя на том, что шепчу одно и то же:

— Здесь земля. Здесь земля.

На рассвете маленький сток ожил. Воды снова было достаточно. Я наполнил обе бутылки, вскипятил сколько смог, выложил на свет мокрую одежду. Пока она сохла, мог остаться под крышей и ничего больше не делать.

От этой возможности мне стало так хорошо, что я почти решил никуда не уходить.

Потом взял кокос, который притащил накануне. Под скорлупой он оказался пустым и сухим. Я проверил ещё один у края пальм: мягкий бок, неприятный запах. Хорошие плоды рядом с укрытием заканчивались. Несколько лежало дальше, но между ними и мной торчали острые обломки ветвей, а наверху покачивались тяжёлые гроздья. Я не мог рассчитывать, что они будут падать туда, куда мне удобно подойти.

Вода после дождя вернулась. Всё остальное осталось прежним.

Я вскипятил ещё одну коробку и отставил остывать. Потом положил перед собой плоскую дощечку с календарём. Семнадцатое марта ещё не было отмечено. Завтра пойдёт четырнадцатый день.

Если отсюда можно пройти дальше по верху, я хотя бы посмотрю.

* * *

На четырнадцатый день я добрался до конца синеватой верёвочки.

Так я называл свои ленточки, хотя между ними оставалось по несколько деревьев и никакой верёвки не было. Последнюю привязал у просвета. Сегодня миновал её, обошёл толстый корень и вышел на площадку над мысом.

Она была меньше, чем выглядела снизу. С земли торчали обломанные стволы, местами лежал старый серый камень. Вперёд уходил подъём, вправо — пологая полоса под деревьями. Я выбрал её, потому что на подъёме сразу пришлось бы тянуть себя руками.

Через некоторое время море снова показалось между листьями, уже под другим углом. Виднелась узкая бухта, камни у воды и тёмный склон над ней. На той стороне не было ни лодки, ни дома. Но по земле можно было пройти ещё дальше.

Я сел перед этим видом и впервые представил, как не возвращаюсь вечером к своей крыше.

Стало страшно. Там лежал знак. Там я знал каждую ветку. Если меня ищут, удобнее всего найти на том песке, где я оставался почти две недели.

Я оглядел бухту вниз. Наверное, там тоже можно сделать знак. Или оставить здесь стрелки. Написать имя. Но сначала

нужно было добраться до воды и решить, где ночевать.

На обратном пути едва не прошёл мимо своей полоски. Смотрел в сторону моря, а она висела выше лица. Вернулся, перевязал ниже и добавил на земле две светлые ветки. Толстым концом назад, развилкой вперёд. Отступил, посмотрел. Получилось похоже на ветки. Рядом положил третью поперёк, чтобы случайно они так не легли.

До крыши добрался задолго до темноты. Всё равно сразу лёг, не снимая рюкзака. Лямка врезалась в плечо, коробка упиралась в спину. Я лежал, пока не смог сесть и освободиться от них.

Рана потянула, когда начал снимать повязку. Середина ещё была сырой, края выглядели иначе — стянутыми, неровными. Отёк вокруг раны заметно уменьшился. Я не знал, хорошо ли она заживает. Знал только, что две недели назад не смог бы пройти сегодняшнюю дорогу.

Вечером вытащил из пакета лист, на котором почти расплылся чужой печатный текст. Обрат остался пустым. Положил на крышку и написал крупно:

MATVEY ORLOV. ALIVE.

Подумал, добавил дату и нарисовал стрелку вверх, в сторону кривого дерева.

Буквы получились ровнее, чем на календаре. Я вспомнил, как Надежда Сергеевна просила подписывать контрольные латиницей: «Представьте, что это регистрационная форма, а не моя попытка испортить вам утро».

Я до сих пор иногда вспоминал её среди пассажиров. Обычно старался не задерживаться на лице. Сейчас увидел отчётливо: она поднимает глаза в аэропорту, узнаёт меня и чуть удивлённо улыбается.

Я перевернул лист, будто она могла прочитать его с другой стороны.

Под стрелкой дописал WATER и поставил знак вопроса.

На другой стороне могла быть вода, которая не исчезнет через два сухих дня. И еда, до которой я сумею добраться.

Глава 8. За мысом

Утром я сначала снял крышу, потом попытался уложить её в рюкзак. Ничего не поместилось. Плёнка заняла меньше места, чем я ожидал, но вместе с ней нужно было нести посуду, воду, одежду, сухие щепки и то, что я ни разу не использовал, а всё равно боялся оставить.

Даже расчёску. Даже ключи от двери, которой здесь не было.

Рюкзак я застегнул, сел на землю и открыл снова. Металлическую коробку освободил от лишнего: в ней остались ложка, ножницы и свёрнутая чистая ткань. Плёнку привязал снаружи полосами от чехла. Попробовал встать. Подумал и вынул один из двух кокосов. Второй оставил внутри — поесть завтра.

Первый открыл здесь. Съел сколько смог. Остаток положил в коробку; до вечера его держать не собирался. Скорлупу оставил. Вместо подушки тоже ничего не придумал. Она лежала возле корней, широкая, синяя, с распоротым боком. Одно время я боялся выпустить её из рук даже во сне. Теперь подошёл, повернул сухой стороной к земле и прижал веткой, чтобы не унесло.

Куртку удалось свернуть плотнее. В её внутреннем кармане лежал телефон. Я проверил молнию и просунул пальцы в порванный рукав — тот, который зацепился в самолёте. Че-

рез дырку было видно землю.

— Гениально, — сказал я, потому что только сейчас заметил: кружок с датами остался под подушкой.

Так я сказал бы Руслану, если бы он приехал на мой день рождения без меня, перепутав кафе. Руслан бы ответил, что зато никто не нудит. У него получалось говорить самые идиотские вещи с серьёзным лицом, и я вдруг понял, как сильно хочу услышать одну из них.

Я убрал дощечку в пакет с документами Джоэла и застегнул рюкзак.

Пятнадцатый день. Восемнадцатое марта.

Остывшее кострище залил остатком сырой воды и перемешал палкой. Записку привязал к низкой ветке так, чтобы она смотрела в сторону пляжа. Пакет защищал лист с двух сторон, но сверху приходилось загнуть край и прижать. Я проверил, читаются ли слова, и дописал сегодняшнюю дату под вчерашней.

Потом прошёл к знаку на песке. Круглая буква расползлась, и я поправил её носком здоровой ноги. Возле края леса выложил ещё одну стрелку — из длинных палок, чтобы не приходилось читать записку с воздуха.

У кривого дерева остановился и оглянулся.

Мой дом опять стал ямой между корнями. Над ним висело несколько мокрых листьев. Синяя подушка выглядела брошенной вещью, какой и была до того, как я за неё схватился.

Сразу захотелось вернуться и проверить узел на записке.

Вдруг развяжется. Вдруг стрелка показывает слишком далеко в сторону.

Я постоял, пока это желание не стало терпимым, и пошёл вверх.

* * *

С грузом путь получился другим.

Вчера я просто поднимал руку, чтобы придержаться за ветку. Сегодня рюкзак тянул назад, и приходилось сначала разворачиваться всем телом. Плёнка цеплялась. На одном проходе я почувствовал, как она натянулась, остановился и освободил край пальцами. Когда дошёл до места над мысом, рубашка прилипла к спине, а во рту появился неприятный горячий вкус.

Прошло не больше часа, а я уже устроил рюкзак выше по склону и сел на отдых. Выпил и доел кокос. Коробку протёр, убрал в неё ткань и сказал себе, что до следующей остановки нужно дойти только до большого дерева.

За деревом оказалось ещё одно.

Потом земля ушла вниз, и я увидел, что под ногами снова темнеет влажная полоса. Она спускалась вдоль корней к мелкой каменной выемке. Я протиснулся ближе, прислушался. Вода капала медленно, но всё-таки капала. Дно было в листьях; пить оттуда сразу мне не хотелось.

Я поставил бутылку под выступ, подложил камешек и сел на сухой стороне. С этого места моря не было видно. Зато рядом нашлась площадка, на которой можно было лечь, не

съезжая вниз всю ночь.

Продолжать путь я не стал.

Укрытие здесь приходилось строить заново, и я не хотел заниматься им в темноте. Привязал плёнку одним краем к невысокой ветке, второй прижал длинным упавшим стволиком. Вышло тесно, но посередине можно было сидеть. Вместо подушки хотел сложить рубашку, но запасной больше не было: она была на мне.

Рюкзак подошёл хуже. В нём были твёрдые вещи. Я вынул коробку и лёг на пробу.

Устраиваться оказалось приятно — до тех пор, пока не подумал о воде в маленькой бутылке. Пришлось снова вставать, собирать сухие ветки, искать место для огня. К тому времени, как вода остыла, сверху уже темнело.

Зажигалка стала хуже срабатывать. Я считал щелчки и каждый раз останавливался, чтобы растереть пальцы, хотя мокрые были, наверное, не только они. Сухую растопку убрал в самый дальний угол пакета. Завтра её ещё надо будет нести.

Ночью просыпался от незнакомых звуков. Возле первой крыши я хотя бы знал, какая ветка скребёт о другую. Здесь любое движение начиналось слишком близко.

Один раз выбрался наружу и пошёл до своей бутылки, чтобы убедиться, что она стоит. Не увидел в темноте первую ветку, ударился коленом и нащупывал обратную дорогу на четвереньках. После этого больше не выходил. Лежал с ру-

кой на рюкзаке, слышал отдельные капли и очень хотел, чтобы кто-нибудь ещё просто пошевелился рядом.

* * *

Шестнадцатый день я почти целиком потратил на дорогу, по которой в итоге не пошёл.

Оставил вещи под крышей, взял воду и палку. Склон впереди выглядел положе, чем вчера. Между деревьями были просветы, внизу белело. Я решил, что это песок.

Песок действительно нашёлся, только намного ниже.

Я вышел на узкую полку. Под ней обрывалась земля; справа лежала плоская скала, по которой стекала вода. Между ними уходил вниз корень, достаточно толстый, чтобы держаться. Я поставил правую ногу на его изгиб, опустил палку и не достал следующего места, куда можно было бы встать.

Попробовал наклониться дальше. Левое бедро потянуло, я дёрнулся и прижал ладонь к камню. Он был гладким. Рука медленно поехала.

Я успел вернуть ногу наверх и сел прямо там, где стоял.

Внизу была новая бухта. Совсем рядом, если смотреть сверху. Я чувствовал, что сумел бы туда сползти. Зацепиться одеждой, ободрать колени, как-нибудь дотянуться. Но обратно подняться так же не получилось бы. А вода и крыша оставались за спиной.

Я долго смотрел на корень. Уговаривал себя, что он толще, чем кажется, что можно перенести рюкзак отдельно, привязать к чему-нибудь, потом спустить. Ничего для длин-

ной верёвки у меня не было.

От сидения начало сводить здоровую ногу.

Я поднялся и повернул назад.

У развилки оставил две ветки крестом. Потом снял синюю ленточку с дерева у спуска, чтобы самому же не пойти туда второй раз. Выше лес становился гуще, но земля хотя бы держалась под ногами. Я попробовал пройти ещё немного поперёк склона и увидел продолжение полки, которая обходила провал с другой стороны.

Туда пошёл только до первого неудобного места. Посмотрел, откуда удобнее спуститься, привязал полоску и вернулся к воде.

Весь день хотелось есть. На обратном пути попадались небольшие тёмные плоды. Я поднял один, покатав в ладони. Внутри был жёлтый сок, липкий и терпко пахнувший. Название не вспоминалось, потому что я его никогда не знал.

Я вытер руку о землю и пошёл дальше.

Вернувшись в укрытие, я открыл оставшийся целый кокус. Пока разбивал скорлупу, опять захотелось бросить всё и лечь. Но внутри была хорошая мякоть, и я принялся выскребать её ложкой. Осколок скорлупы чистил так тщательно, что ложка согнулась ещё немного. Потом выпрямлял её о камень и ругался на себя уже вслух.

— Завтра нормально пойдём, — сказал я рюкзаку.

Он не поверил. Я тоже.

* * *

Утром семнадцатого дня я снял крышу и перенёс вещи до первой метки. Потом ещё раз вернулся к воде: наполнил освободившуюся бутылку, вскипятил запас и дождался, пока можно будет перелить. К тому времени, как всё было готово, мне уже требовался отдых.

Наверху дорога петляла между поваленными стволами. Я перестал пытаться идти прямо, когда один такой ствол пришлось обходить дважды. На обратной стороне висели перепутанные сухие ветки, через которые нельзя было протащить рюкзак. Издалека это не было видно.

На привале я заметил большие порванные листья. За ними, низко над землёй, склонилось несколько жёлтых плодов.

Сначала стоял и смотрел. Потом прошёл ближе, повернулся боком, чтобы не задеть ногой торчащий сук.

Бананы.

Маленькие, с тёмными точками, часть уже расклёвана. Стебель наклонился и лёг на соседние растения. Я достал один, который выглядел целым, отломил и долго рассматривал. Кожира снялась знакомыми полосками. Мякоть пахла бананом, хотя выглядела желтее, чем дома.

Я съел половину. Подождал, держа вторую перед лицом. Я разглядывал кожиру, пытался найти что-нибудь непривычное. Банан выглядел как обычный маленький банан из магазина. Я доел и снял ещё два.

Один съел сразу. Второй завернул в чистую сторону пакета. Больше спелых целых не достал: остальные висели за за-

валом, а лезть в него с полной бутылкой и больной ногой не хотелось. Я оставил метку на соседнем дереве. Потом долго сидел возле неё, потому что на радости прошёл слишком быстро.

Дальше склон опускался. Лес поредел, под ногами появились гладкие светлые камни. К вечеру я вышел к узкой полосе земли между склоном и новой бухтой. Воды у самого берега не нашёл. Пришлось оставить рюкзак и подняться немного выше — там под корнями медленно наполнялась каменная выемка. Она была больше вчерашней, а след от перелива уходил к морю. Я поставил рядом палку, чтобы не искать её заново в сумерках.

Крышу устроил у кромки леса. Отсюда было видно воду, и это сразу успокоило. Небо передо мной оставалось открытым. На противоположном краю бухты темнела новая скала, за ней деревья опять заворачивали вглубь острова.

Я достал календарь и поставил число двадцать. Семнадцатый день на острове.

Потом карандаш выскользнул из руки. Пришлось искать его между корнями, и какое-то время я думал только об этом — что нельзя потерять такую маленькую вещь в таком большом месте.

Часть II. Следы

Глава 9. Узел

На восемнадцатый день я увидел срезанную ветку.

Она лежала между камнями, тонкая, светлая с одного конца. Я сначала прошёл мимо. Поднял только на обратном пути: нужна была палочка, чтобы достать из коробки горячую крышку, не обжигая пальцы.

Ветка обломилась далеко от толстого конца. На другом краю кору снимали по кругу короткими косыми движениями. В середине оставалась неровная щепка. Я провёл пальцем по зарубкам и оглянулся.

Срез был старый, потемневший. Он мог пролежать здесь сколько угодно.

Я посмотрел вверх, в ту сторону, где вчера нашёл бананы. Я не знал, растут ли бананы в лесу сами или их кто-то посадил.

Оставил её у рюкзака и пошёл вдоль бухты.

На дальнем конце песок сменялся камнями. У основания мыса проход ещё оставался сухим, но дальше волны заливали узкий уступ. Между ними хватало времени сделать два шага. Я подождал, отсчитал несколько волн, поставил палку на следующий камень и убрал обратно.

Если на обратном пути воды станет больше, я здесь не пройду.

Над уступом между деревьями виднелась полоса земли. Пришлось вернуться к последнему широкому камню и подняться оттуда. Наверху я сел, опустив бутылку между коленями. Рубашка насквозь промокла от пота. Повязка на бедре съехала и давила краем. Поправил, подождал, потом встал.

За скалой открылся ещё один кусок берега — меньше песка, больше камней. У тёмной стенки слышался звук, который не совпадал с волнами.

Капля. Короткая пауза. Ещё капля.

Сначала я заметил блеск, потом тонкую струйку. Она выходила из-под корня, скользила по камню и исчезала в углублении. Морские брызги сюда не доставали. По сторонам росли маленькие яркие листья.

Под струйкой стояла пластиковая ёмкость.

Большая бутылка с отрезанным верхом. Синяя этикетка, один край отстаёт. Бутылку держали два камня, вокруг проходил тонкий тёмный шнур. Его конец был привязан к корню. Узел затянули так, что пластик немного вдавился.

Я опустился рядом на колено.

Несколько секунд слушал, как вода стучит по воде. Потом встал, ударился плечом о ветку и крикнул:

— Эй!

Голос разлетелся по маленькой каменной чаше. Я подождал, прислушался и позвал снова. По-английски. Потом

ещё раз по-русски, потому что больше ничего не получалось придумать.

Ответа не было.

Я обошёл камень, заглянул под деревья. За корнями лежал смятый серебристый пакетик. Его внутренняя сторона ещё блестела. Край был разорван по насечке, на упаковке сохранились обрывки букв и маленький красный крест.

Я поднял пакетик, перевернул и положил обратно.

Кто-то выбирался из самолёта. Или жил здесь. У кого-то были бинты, вода и руки, способные завязать узел.

Я снова крикнул, громче, пока не заболело горло.

По склону выше источника тянулись примятые листья. Я пошёл по ним, раздвинул два куста и через несколько шагов упёрся в заросли. Мог принять за дорожку обычный промежуток между корнями. Вернулся к воде и попытался понять, откуда пришёл человек.

Со стороны моря подойти было трудно. Сверху — откуда угодно, если знать дорогу. Лес поднимался несколькими ступенями, каждая закрывала следующую. То, что я считал плоским островом, пока смотрел с пляжа, здесь всё время мешало увидеть хотя бы сотню шагов впереди.

В ёмкости было много воды. Она переливалась через край. Я опустил руку, чтобы отвязать шнур, и остановился.

Человек вернётся, а бутылки нет. Или узел другой. Или я всё разолью, пока буду переливать, а он не сможет набрать заново, потому что тоже пришёл сюда с больной ногой.

Я отодвинул руку.

Свою маленькую бутылку подставил выше, к самой струйке. Вода шла больше мимо горлышка, чем внутрь. Пришлось долго держать, упираясь локтем в колено. На шею села мошка, потом ещё одна. Я не мог отмахнуться, не потеряв струйку, и сидел, чувствуя каждый укус.

Из большой бутылки допил прежнюю кипячёную воду. На маленькую повязал белую полоску, которую для этого и держал возле крышки. Здесь вода выглядела чище моей; проверить, что это значит для живота, я всё равно не собирался.

Потом достал карандаш.

У меня оставалась часть листа с чужим печатным текстом. Я положил её на крышку и вывел:

I AM ALIVE. MATVEY.

Подумал, добавил дату — двадцать первое марта — и слово BEACH. Нарисовал берег, скалу и стрелку к своей нынешней бухте. Рисунок получился детский: угловатая линия, треугольник, маленький квадрат вместо крыши. Я повернул бумагу так, чтобы стрелка смотрела прямо на начало верхнего обхода.

Щепки пришлось пересыпать в угол рюкзака и завернуть в полотенце. Освободившийся пакет стал конвертом. Я положил записку на плоский камень, прижал другим, оставив надпись видимой.

Мог быть кто-то из самолёта. Могли быть местные рыбаки. Мог вообще оказаться старый сборник воды, к которому

никто не подходил неделю, а пакетик принесло ветром.

Я посмотрел на шнур. В нижней петле не было ни грязи, ни засохших листьев. Камень под ёмкостью был перевёрнут влажной светлой стороной наружу. Рядом виднелась вмятина, похожая на след пятки.

Очень хотелось объявить это доказательством. Но я не знал, сколько сохраняются следы в таком месте.

Я сел напротив и стал ждать.

Каждое шевеление листьев заставляло поднимать голову. Один раз показалось, что наверху кто-то переступил через ветку. Я позвал и услышал только стрёкот. Вода стучала всё время, понемногу переливалась через край и уходила туда же, откуда я пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.